На правах рукописи

Эмирбекова Элена Эмирбековна

ВЛАСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ЛИЧНОСТИ

09.00.11 – социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Ростов-на-Дону – 2016

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Научный консультант	Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор **Волков Юрий Григорьевич**
Официальные оппоненты:	**Андреева Ольга Александровна,** доктор философских наук, профессор; ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», профессор кафедры теории и истории государства и права **Лубский Роман Анатольевич,** доктор философских наук, доцент; ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», преподаватель кафедры административного права **Нарыков Николай Владимирович**, доктор философских наук, профессор; ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», профессор кафедры философии и социологии
Ведущая организация	**ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»**

Защита состоится «01» июля 2016 г. в 10.00 на заседании Диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, Институт социологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке им. Ю.А. Жданова при ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344103, г. Ростов-на-Дону, ул. Р. Зорге, 21 Ж).

Автореферат разослан «___» мая 2016 года.

Ученый секретарь диссертационного совета — Верещагина Анна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Наступивший XXI в. характеризуется не только концом знакомого мира, воздействием новых глобальных вызовов (терроризм, наркотрафик, миграция, деградация окружающей среды), в индивидуализированном обществе, где личность перестала ощущать воздействие коллективной солидарности, теряются гарантии собственной безопасности, наблюдаются взрыв идентичностей, «блуждание» человека в поисках самоопределения, актуальным становится внимание к проблеме власти как способности и возможности социального субъекта реализовать свою суверенность.

Это объясняется, прежде всего, тремя обстоятельствами. Во-первых, распадом старых властных структур (национального государства) и появлением новых глобальных субъектов (общественных движений). Во-вторых, тем, что власть утрачивает традиционное значение «править» (arhe) и «обладание» (potestas), становится владением ресурсами и способностями не только направлять и формировать систему государственного управления, но и влиять на микрофизическом уровне, в пространстве личности, создавая тот тип власти, который оценивается как проявление личного или коллективного опыта, но в реальности сформирован всепроникающими факторами власти. В-третьих, дискредитируется функциональное определение власти как обобщенного посредника отношений в обществе. Власть является, по существу, феноменом добровольного принуждения и в неменьшей степени порождает новую социальную реальность как референтную по отношению к рутине повседневности.

Это выражается в том, что власть обретает символическое значение, становится символическим капиталом. Традиционные критерии авторитета и могущества изменяются в пользу символических ресурсов, способности переформатировать поведенческие и ментальные практики в обществе, управлять повседневными практиками через пространство личности, то, что воспри-

нимается как приватное, непроницаемое или независимое для влияния власти как объективированной силы. По существу, изменяется характер власти, которая трансформируется из принуждения со стороны государства в структуру воспроизводства личности и ее социальных отношений.

Поэтому актуальным становится выявление связей между институциональным (макросоциальным) и повседневным (микросоциальным) уровнями существования человека. Показательно, что настроениями людей можно управлять не только через внешние принуждения, но и через язык убеждения, формирования нужной картины мира через нейтральные и внешне чуждые институтам власти практики (потребительские). Отношения зависимости, подчинения независимости включаются в пространство личности, характеризуют то, что независимость личности является следствием зависимости от ее восприятия и социальной самооценки, от того, как конструируется социальный микромир, в какой степени личность вступает в отношения с большим миром (обществом).

Власть, таким образом, в пространстве личности как совокупности, ансамбле ее отношений, характеризующих распределение социальных капиталов и ресурсов, субъективизируется, ей придается субъективный смысл наряду с объективными значениями. Таким образом, возникает символический универсум, в котором пространство личности внешне свободно от влияния власти, но имманентно предполагает власть как способ социальной самореализации, как парадигму межличностного взаимодействия. Это очевидно проявляется в том, что личность воспринимает, оценивает и действует в повседневности нерефлексированно, основываясь на формуле власти, на эффекте духовной гегемонии, навязывании ей формул и схем, открытых манипулированию и создающих ситуацию непреднамеренного конформизма.

Поэтому актуальным становится рассмотрение власти в пространстве личности, что требует перехода от парадигмы влияния власти как социально анонимной силы, воздействующей

опосредованно на личность через общественно-государственные институты, к власти в качестве способа социального воспроизводства и развития, как процесса конвертации экономического и социального капитала во властный, как возможность определить границы автономности пространства личности.

Детерминистский, субстанционалистский, функционалистский подходы к власти, которые утверждают понимание власти как внешнего авторитета, как механизма господства или удовлетворения определенных функций в поддержании стабильности общества, требуют переосмысления, поскольку не обладают достаточным объективным потенциалом для понимания власти как тотальности, пронизывающей отношения общества, и ее закрепленности.

Также очевидна социально-практическая значимость исследования, понимание того, что вне осмысления власти в пространстве личности невозможно диагностировать состояние общественной жизни, потенциал личности. В российском обществе, где власть осознается в контексте самобытности исторического пути России, где к власти сформировалось двойственное отношение как отношений персонифицируемости и одновременно социального анархизма, эта проблема приобретает особый смысл, связанный с интерпретацией социальных процессов на уровне повседневных практик и в общественном дискурсе.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблема изучения власти в пространстве личности является традиционной для социально-философской мысли. Это находит подтверждение в том, что становление социальной философии как самостоятельного направления философского знания связано с пониманием личности, полагающей власть в качестве инструмента самосохранения и самоутверждения. Это нашло отражение в философии Нового времени, в том, что осознание личности как точки опоры в познании и оценке общества имело последствием отказ от теологизма и переход к системе профанных координат.

Философия XVIII в. с преодолением космоцентризма, с отказом от идеи спасения и идеи предопределения человека совпала с заключением о природе власти как свойстве человека. Культура просвещения, получившая наибольшее развитие в Англии и Франции, содержала интерес к рациональным принципам, к убеждению в том, что человеческие отношения можно объяснить качествами человеческого духа, тем, что понятие власти является приобретенным человеком. В работах Дж. Локка, Т. Гоббса полагалось, что личность, действуя в рамках чувства консенсуализма (сотрудничества и самосохранения), либо принимает власть в качестве инструмента добровольного самоограничения агрессивности (Т. Гоббс), либо рассматривает конвенционально, как результат согласия людей[1].

Можно сказать, что с властью связано стремление человека сделать выбор своей жизни. Важным обстоятельством являлась ссылка на природу личности как индивидуальную разумную и бессмертную субстанцию, как пространство «я», в котором обнаруживается героизм человеческой истории. Власть в пространстве личности, таким образом, понималась как свойство, определяющее рамки и условия взаимодействия личности и общества, как способ выражения социальной жизни в цивилизованном состоянии. Равновесие между личностью и властью достигается путем установления народного суверенитета, хотя и сохраняются права личности на восстание против ущемления ее прав. Характерно, что подобный взгляд приводит к смещению, к интерпретации пространства личности как правового пространства, как характеристики прав и обязанностей, как соотносимого с общим разумным интересом в самосохранении.

Немецкая классическая философия предопределяется иными параметрами, задает точку отсчета в осмыслении данного вопроса в определении пространства личности как сферы принятия

---

[1] *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936; *Локк Дж.* Опыт о человеческом разуме // Соч. : в 3 т. Т. 1. М., 1985. 623 с.

осознания необходимости. Полагая, что личность может быть познана только на уровне ноуменов, феноменологии, и понимая, что пространство личности есть сфера осознанной необходимости, в работах И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, И. Г. Фихте[2] личность характеризуется состоянием внутренней свободы, то есть отношения к власти как моральному чувству, как к логике морального долга. С другой стороны, власть в пространстве личности становится зависимой от рефлексивного сознания. По Гегелю, сознание господ есть знание о собственной силе и о самих себе как отражении себя в сознании рабов. Иными словами, возникает взаимная нужда господ и рабов.

В силу рефлексивного характера осознания обеих сторон сила и зависимость меняются местами, и власть становится буржуазной добродетелью, формой коллективного сосуществования, в котором власть в пространстве личности трансформируется из состояния воинственности в состояние примирения, преклонения перед гражданскими добродетелями. Таким образом, классическая традиция полагает власть в пространстве личности в контексте методологического индивидуализма, рассмотрение личности как источника самопродуцирования власти, движимого инстинктом самосохранения и кооперации, или становится способом коллективного существования, самодисциплины личности через гражданские, мещанские, бюргерские добродетели.

В неклассической философской мысли власть субъективируется, приобретает волюнтаризм, связывается со способностью и понятием воли, с тем, что можно охарактеризовать как способность преодолеть сопротивление личности в контексте реализации собственных интересов. Таким образом, власть смещается в сферу оправдания иррационального, опирается на бегство от свободы и принятие зависимости как принципа формирования пространства социальной

[2] *Кант И.* Идея всеобщей истории с всемирно-гражданской точки зрения // Соч. : в 6 т. Т. 6. М., 1966. 743 с.; *Гегель Г. В. Ф.* Философия права // Соч. Т. 7. М., 1934; Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. СПб., 2009.

квазиавтономности. С этим обстоятельством связываются авторитаризм власти, ее произвольность и харизматичность (М. Вебер)[3].

Данная позиция смещает исследование власти к властной личности и снижает интерес к рядовой личности, провозглашается принцип несовместимости власти и морали по сравнению с классической традицией. Власть, иными словами, понимается как сфера властных ресурсов личности, то есть внимание переключается на продуцирование власти, на осмысление природы власти через процедуры навязывания смыслов. Хотя в работах Т. Парсонса, Р. Арона, Б. Рассела[4] власть определяется как безличностный посредник, способствующий конвенционализму, соглашению на основе совпадения прагматических интересов личности, неклассическая философия сужает интерпретацию проблемы власти в пространстве личности к гипертрофированию властного ресурса, к измерению власти через категории воли / безволия.

Постнеклассическая философская мысль задается вопросом о микрофизике власти, о ее всепроникающей силе через технологии, через механизмы властного фетишизма, телесные и мыслительные практики. Пространство личности становится сферой интродуцированных образов, выявляется в осознании личности приобщенности к власти как социальному ресурсу. Постмодернизм (Р. Барт[5], С. Жижек[6], Ж. Бодрийар[7]) деконструирует личность, провозглашает принцип дивидности, в котором власть становится качеством расщепленности индивида. В этом смысле значимо влияние неофрейдизма (К. Хорни, Э. Фромм)[8], в котором противоречивость личности, парадоксальность агрессивности и пацифизма определяют через страх, через стремление к власти

---

[3] *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. 808 с.

[4] *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. М., 1994. С. 448–464.

[5] *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989. 616 с.

[6] *Жижек С.* О насилии. М., 2010.

[7] *Бодрийар Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000.

[8] *Фромм Э.* Бегство от свободы. Минск, 1997.

как социальный невроз, как бегство от неопределенности или тяжести свободы.

Современное общество диктует необходимость рассмотрения власти в качестве инструмента самоопределения личности и перевода пространства личности в производство желаний, в способ принуждения и узаконивания способа жизни. Принципиально новый ракурс в измерении власти в пространстве личности заключается в том, чтобы, депсихологизируя понятие власти, что свойственно философии неофрейдизма, вывести исследование власти на определение через измерение ресурсности личности, конфигурации ее социального пространства. Это, как отмечает П. Бурдьё[9], дается через адекватную определенность социальной позиции личности. Не отказываясь от понятия социального агента, что связано с состоянием социальной инкорпорированности, определяются специфические характеристики власти в пространстве личности, связанные с тем, что само пространство является историческим продуктом и одновременно личность содержит представления о власти, при помощи которых она воспроизводит власть.

В этом отношении конструктивистско-деятельностный подход (П. Бурдьё) ориентирует на понимание власти в пространстве личности как зависимой от поля деятельности, является ли власть профессиональным или непрофессиональным занятием, от того, какое место в социальных капиталах личности занимает власть и каковы способы ее конвертации в другие виды капитала, и, с другой стороны, способности личности присоединиться к определенной социальной позиции, включенности в доступ к институциональным ресурсам. Власть в пространстве личности выражается в возможности конвертации собственных интересов в демонстрацию, в то, что содержит как элементы постановочной символики, так и веру в существование власти.

В концепции социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана признается, что реальность повседневной жизни не

[9] *Бурдьё П.* Социология политики. М., 1993.

просто полна объективации, но и возможна благодаря им[10]. Власть осознается как важный случай объективации, представляя собой процесс сигнификации, то есть осознания человеком знаков. Она становится обозначением стремления, агрессивности или установления зависимости человека. Таким образом, власть становится субъективно доступной другим людям, разделяющим с личностью социальную реальность. В таком контексте пространство власти включает как внутриличностное измерение, связанное с ее субъективным смыслом, с тем, что П. Бурдьё обозначает как выступление от имени других, так и объективное напоминание о намерениях личности в отношении с другими.

Ю. Хабермас, Р. Дарендорф, А. Кожев рассматривают понятие власти в рамках социальных коммуникаций, социальной интерсубъектности. Для А. Кожева[11] метафизический анализ власти предполагает, что власть может появиться в мире с временной структурой, что власть представляет социально-исторический феномен, так как ее метафизическим основанием является человеческое время. В работах Ю. Хабермаса власть определяется в контексте соотношения жизненных миров и институциональных структур[12]. Исследовательская стратегия состоит в том, что власть является препятствием в контексте ее характеристики как косвенного управления, и власть становится самоуправляющим механизмом в контексте принятия формулы коммуникативного действия. Р. Дарендорф отмечает[13], что власть в пространстве личности определяется ее гражданским статусом, тем, что власть самоограничивается в процессе защиты, и уверенностью личности в своих правах и свободах. В концепции паноптизма власти М. Фуко власть не ограничивается политической властью, а явля-

[10] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 62.

[11] *Кожев А.* Понятие власти. М., 2007.

[12] *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003.

[13] *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. М., 2002.

ется формой контроля и насилия, концентрируемой вокруг индивида[14].

Российские исследователи проблемы власти в пространстве личности исходят из общетеоретического понимания власти (В. Г. Афанасьев, К. В. Кочелаевская, В. В. Афанасьева, Г. П. Кибасова, А. В. Петров, Т. К. Фомина)[15] либо социокультурного (Н. Н. Седова, А. Ю. Барковская, Н. О. Хазиева)[16]. Разделяя исследовательский пафос, применяемые модели содержат уход от человеческой субъективности, обосновывают человеческую субъективность, то, что человек находится внутри мира, а не вне его. Пространство личности трактуется в форме либо жизненных миров (О. Н. Тынянова), либо структуры, ориентированной на принятие власти в качестве императива действия.

В исследованиях Е. Г. Сахно, Д. А. Кистанкина, В. В. Арутюняна[17] предпринимается философское осмысление того, что именно на практике происходит формирование социальной субъективности. Пользуясь методологией М. Фуко о переплетении дискурсивных и недискурсивных элементов, формирующих специфичность жизненного мира и мировоззрения личности, В. Н. Хазиева характеризует власть в пространстве личности как способ регулирования ее поведения.

---

[14] *Фуко М.* Нужно защищать общество. М., 2005.

[15] *Афанасьев В.Г.* Социальная информация и управление обществом. М., 1975 408 с.; *Кочелаевская К.В., Афанасьева В.В.* Пространство: относительность неклассических представлений // Вестн. СГТУ. 2012. № 1 (68). URL: http://cyberleninka.ru/ article/n/prostranstvo-otnositelnost-neklassicheskih-predstavleniy; *Кибасова Г.П., Петров А.В., Фомина Т.К.* «Власть» пространства // Вестн. ВолГУ. Серия 7 ; Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 1. URL: http://cyberleninka.ru/ article/n/vlast-prostranstva.

[16] *Седова Н.Н., Барковская А.Ю.* Пространство культуры и его структура // Известия ВолгГТУ. 2013. № 9 (112). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-kultury-i-ego-struktura; *Хазиева Н.О.* Виртуальная реальность как пространство социализации (социально-философский анализ проблемы) ; дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2015. 148 с.

[17] *Сахно Е.Г.* Повседневные практики власти : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2004. 199 с.; *Кистанкин Д.А.* Неформальные практики региональных органов власти в сфере миграционной политики России : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2009. 152 с; *Арутюнян В.В.* Система социального действия в модернизирующемся обществе: философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2014. 176 с.

Можно констатировать, что в формировании представления о сущности власти (Н. А. Романович, Е. М. Шкилева)[18] процесс внутри властных структур, социальных практик российской власти (К. В. Суханова, Ю. Ш. Зиннатуллина)[19], делается акцент на принятии пространства личности как пространства субъективного восприятия власти. Объектом исследования выступает власть как внешняя, объективированная сила. Можно отметить поворот в социальном знании (В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов, Д. В. Пивоваров, О. В. Шабурова)[20], в котором власть осмысливается как многомерное явление, как имеющая пространственное измерение во всех клеточках социальной реальности.

Таким образом, власть дифференцируется в контексте заданных способов и целей существования личности и предстает как определенное качество и смысл пространства личности. Тем не менее в таком подходе есть риск универсализации власти, приписывания атрибутов власти невластным намерениям личности, что представляет невольное подтверждение властного фетишизма. Демифологизация власти, рефлексия ее причин, условий и целей в пространстве личности связывается с разломом сознания, с тем, что иллюзии по поводу власти становятся деформирующим пространство личности фактором, что власть проникает в пространство личности, эволюционируя, так как человек делает то, что требуется. Фрагментаризация повседневного сознания и разорванность повседневных практик приводят к тому, что при утрате внутренней структурированности пространства личность соотносит себя с квазиобщностью, таким образом, деавтономизи-

---

[18] *Романович Н.А.* Социокультурный механизм формирования отношения к власти в российском обществе : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2010. 448 с.; *Шкилева Е.М.* Характерологические черты современного российского образа власти // ИСОМ. 2014. № 1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/harakterologicheskie-cherty-sovremennogo-rossiyskogo -obraza-vlasti.

[19] *Суханова К.В.* Политические коммуникации власти в современном российском обществе : дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2009. 142 с.; *Зиннатуллина Ю.Ш.* Трансформация массового сознания россиян посредством мифотворчества (социально-философский анализ) : дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2014. 153 с.

[20] Социальная философия: словарь. М., 2003; ФЭС. М., 2008.

руя, делая условными границы собственного пространства личности.

В работах О.А. Андреевой, А. А. Дроздова, П. А. Бажко, Р.А. Лубского, Н.В. Нарыкова, М. Д. Шарыгина, И. О. Кротова накоплен полезный материал исследования специфики внутриполитических, внешнеполитических и правовых факторов на различных уровнях власти. Но при этом сохраняется фактор персонифицированности власти, реализации процедуры делегирования, в то время как присвоение власти зависит не только от самосознания личности, от принятия власти как безусловного социального ресурса, но и связано с особенностями динамики власти в трансформирующейся России[21], ее этатистской природой[22] и доминирующими в обществе экзистенциальными установками на правовой нигилизм[23] и идейными контекстами по поводу власти, а также с формулами и алгоритмами формирования пространства личности.

Весьма интересными являются работы В. Г. Федотовой, согласно которым в российском обществе пространство личности сформировалось в условиях консенсуса власти, в условиях заключения неформального договора: воля – внешне лояльность. Из этого В. Г. Федотова делает вывод о том, что в России сформировался анархический консенсус, допускающий откуп власти элитам и социальный спонтанеизм, социальный анархизм в контексте структурирования пространства личности. По утверждению Федотовой, сложился слой людей, которые считают, что власть – это форма достижения непосредственной справедливости, в то время как власть предстает как источник несправедливости[24].

---

[21] *Нарыков Н.В.* Социально-философский анализ особенностей взаимовлияния и характеристики взаимосвязи динамики власти и транзитивного состояния общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. С. 75-79.

[22] *Лубский Р.А.* Этатизм в контексте соотношения собственности как абсолютного владения и государственной власти как абсолютного управления // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 4 (18). С. 86-87.

[23] *Андреева О.А.* Экзистенциальные источники правового нигилизма // Философия права. 2011. № 6 (55). С. 59-62.

[24] На перепутье. М., 1995. С. 120.

Таким образом, несмотря на накопленный исследовательский задел, актуальны проблемы, связанные с метафизикой власти, которые не могут ограничиться констатацией ее семантики, проецирующей дисциплинирующее воздействие власти как способности управлять в позиции личности в пространстве. Во-первых, власть в пространстве личности до сих пор принадлежит устойчивой традиции ее восприятия как разрушающего воздействия. Во-вторых, не выявлены источники трансфера власти личностью, власти как формы самоутверждения и самоопределения. В-третьих, данная проблема требует философского рассмотрения в рамках соотношения пространства власти личности и социального пространства.

Следовательно, новизна и значимость данной научной работу обусловлены необходимостью социально-философской рефлексии пространства личности как базовой структуры, как корневой ячейки власти, что представляется полезным и перспективным с позиции осмысления феномена власти в современном российском обществе.

Целью диссертационного исследования является разработка социально-философской концепции власти в пространстве личности.

Данная цель достигается посредством реализации следующих **исследовательских задач**:

– дать концептуальный анализ и определить аспекты исследования власти в социальном пространстве личности как социального феномена на основе классической философской парадигмы;

– определить социально-философское измерение власти в пространстве личности в неклассической и постнеклассической философии;

– исследовать проблему власть в социальном пространстве личности в контексте формирования данного феномена в российском обществе;

– рассмотреть внутриличностное измерение власти как парадигму воспроизводства личности;

– прорефлексировать сферу межличностного взаимодействия как проекции субъективных смыслов власти;

– выявить характеристики символического универсума, связывающего пространство личности и социальное пространство в актуализации власти;

– определить практики власти в телесном пространстве личности;

– выявить практики власти в сфере социальной семантики, социально значимых смыслов;

– охарактеризовать практики власти в коммуникативных моделях личности;

– рассмотреть особенности власти в пространстве личности России имперского периода;

– определить специфику власти в пространстве личности российского общества советского периода;

– рассмотреть специфику власти в пространстве личности современного российского общества.

Объектом исследования является пространство личности как совокупность позиций личности, определяющих ее социальное воспроизводство и развитие.

Предметом диссертационного исследования является власть как способ конструирования и воспроизводства пространства личности.

Гипотеза диссертационного исследования. Можно предположить, что власть как способ конструирования и воспроизводства пространства личности включена в структуру личности на основе принятия определенной социальной самооценки, способа реализации жизненных планов и ее значимости как социального ресурса личности. Так как пространство личности представляет собой конфигурацию расположения в позициях, характеризующих субъективные смыслы и объективные значения самореализации личности, можно констатировать, что власть является способом социальной предзаданности, способом переопределения личности, ее включения в отношения с другими. Ее значи-

мость для личности определяется, во-первых, способностью к телесной самоорганизации (проявление силы и воли); во-вторых, стремлением к символическому господству (авторитету); в-третьих, соотношением между пространством личности и властью как символическим универсумом.

Главное назначение власти заключается в способности самоутверждения путем сопротивления, доминирования или навязывания логики собственных целей другим. При этом личность, «узурпирующая» право имени представительства интересов других, осваивает власть как инструмент достижения собственных целей, воображаемых или реальных. Главное назначение власти в пространстве личности, таким образом, заключается в том, что пространство становится способом социальной саморефлексии, соотнесенности с другими, что через коммуникацию власти личность обозначает других как своих или чужих. Поэтому власть определяется как способность не подавить сопротивление или навязать свою волю, но и с готовностью сконструировать модели взаимодействия, направленные на поддержание отношений господства / подчинения.

Практики власти в телесном и ментальном пространстве личности включают в себя самосознание личностью тела и самости, дискурсы боли и удовольствия. Главное назначение телесных практик власти заключается в том, что телесные практики актуализируют состояние силы, в то время как символические заключены в логике навязывания, включении авторитета как способности выступать от имени других, узурпировать состояние представительства.

В российском контексте предполагается, что власть обозначается, с одной стороны, как верховный суверен, воплощенный в государстве, с другой – как преодоление конфликта социальной стихийности, воплощенной в императиве воли, на основе анархизма, безгосударственности или культа нравственности, ориентированного на симфонию власти и личности.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования. Главным положением при разработке социально-философской концепции власти в пространстве личности выступает представление о взаимосвязи таких социокультурных явлений, как власть, пространство личности, практики власти.

Работа написана с позиций умеренного конструктивизма. Данный выбор обусловлен тем, что власть в социальном пространстве конструируется личностью как следствие ее способности к социальному воображению на основе социального поля, совокупности позиций, в которых личность самореализует и самоопределяет себя в отношениях с другими. Актуализируется положение о власти в пространстве личности как системе устойчивых и переносимых диспозиций, порождающих практики и представления о власти. Актуализируется понимание власти М. Фуко как отношений силы, противостояния, концентрирующихся в виде ядра личности.

Такой подход предполагает применение социальной рефлексии как интерпретации, как понимания реальности интерсубъективного мира, которые разделяется с другими людьми. В исследовании реализуется положение российского философа В. Е. Кемерова о личности как субъекте своих сил, способностей, потребностей и интересов, о снятии противоположности между внутренним и внешним в самореализации человека.

При решении частных исследований применяется генеалогический метод исследования власти как власти знания, аналитики практик. Также произведен анализ социальной реальности в диахроническом аспекте с целью выявления практик власти в пространстве личности, характерных для российского общества. Исследование строится на общенаучных принципах системности, овердетерминизма, непротиворечивости, дополнительности, верификации. Применение данных методов обеспечило научность и достоверность исследования.

Теоретическую основу исследования составляют работы по социальной философии, продвижению в области социологии и

истории отечественных и зарубежных исследователей. При анализе практик власти точкой опоры служат труды Ж. Бодрийара, П. Бурдьё, С. Жижека, М. Фуко. Методологическую основу аналитики социокультурного контекста составляют работы таких исследователей, как П. Бергер, Т. Лукман, И. Касавин, В. Кемеров. Достоверность полученных результатов обеспечена научно-методологической обоснованностью базы исследования, а также использованием методов, которые адекватны целям и задачам работы.

Основные результаты исследования и их научная новизна. Научная новизна исследования обусловлена совокупностью задач, направленных на исследование разработки социально-философской концепции власти в пространстве личности, и состоит в следующем:

- определены основные различия между пониманием феномена «власть в пространстве личности» в неклассической и постнеклассической парадигмах, доказано, что власть в социально-философской традиции определяется в рамках индивидуальной или коллективной разумности личности, что содержит определенное приращение знания по сравнению с пониманием власти в рамках легистского подхода;
- обосновано, что понимание власти в пространстве личности в условиях российского общества связано и с социально-историческим контекстом, и с повседневными практиками, ориентированными на утверждение пространства «анархичности» и опекунскими ожиданиями по отношению к власти, что содержит новационность в смысле переосмысления власти как социально-объективированного принуждения;
- концептуализировано понятие внутриличностного измерения власти, связанное с логикой навязывания интересов и присвоения способности выступать от имени других, что определяет возможность переинтерпретации власти в рамках отхода от концепции власти как социальной номинации;

- охарактеризовано межличностное пространство как определение реальности, в которой реализуются субъективные значения действия, что определяет возможность исследования власти в контексте добровольного ассоциирования социальных индивидов;
- раскрыты возможности понимания власти в рамках ее определения, как имеющего объективное значение для снятия ограничителей связей для соотношения личного и коллективного бытия человека, что содержит возможность осмысления власти как символического универсума, интегрирующего личность и общество;
- выявлены особенности формирования власти и ее восприятия власти в контексте телесности личности, ее компенсаторности при недостаточности включения квазиприродных социальных структур, что представляет новационность по отношению к принятию власти как внешнего дисциплинирующего влияния;
- определены границы влияния осознания самости в актуализации ресурса власти как социально-репутационного капитала, что связано с пониманием власти как способа социального самоутверждения личности вне психологизации «инстинкта к власти»;
- обосновано отношение к власти в пространстве личности как способу утверждения личности в коллективности, понимаемому как согласование интересов власти и личности в состоянии всеобщего блага, что содержит возможность определения границ внутренней свободы и подчинения «хорошему» обществу;
- раскрыта объективированность власти в пространстве личности российского общества имперского периода как пространства дозволенной автономности в рамках лояльности автократичной власти, что содержит возможность интерпретации имперства как схемы следования привилегированности власти;
- проанализировано господство власти в пространстве личности российского общества советского периода, которая связана с нивелированием пространства личности в рамках включения

механизмов внутренних оков, определяемых унификацией повседневных практик и привязанностью к стратегии двойственности, что содержит понимание «советского человека» в рамках «дозволенной свободы»;

- определена паноптика власти в пространстве личности современного российского общества, что характеризуется тенденцией десакрализации власти в контексте принятия формулы «безответственного индивидуализма», что содержит объяснительный потенциал по отношению к осмыслению власти в пространстве личности в рамках ее существования на основе «пассивной лояльности» личности.

Научная новизна исследования сформулирована в **положениях, выносимых на защиту**:

1. Власть в социальном пространстве личности в классической философии понимается как способ индивидуальной самореализации, как объективация стремления индивида к самосохранению и развитию и в этом контексте характеризуется как приватное пространство, открытое, с одной стороны, социальной рационализации, подключению к миру социальной разумности; с другой – содержит нерефлексированную социальную активность, связанную с инстинктом господства, привычкой повиновения в контексте осознания объективированного принуждения, исходящего от субъектов, воплощающих социальную разумность. Власть в пространстве личности, таким образом, может интерпретироваться по логике социального долженствования или характеризоваться суверенизацией, присвоением права действовать от коллективного субъекта (народа). Пространство личности в таком контексте выступает как способ присоединения к большинству, отказа от социальной иррациональности и принятия власти как объективированной надындивидуальной силы.

В неклассической философии субъективация власти в пространстве личности приводит к архаизации личности по критерию воли. Власть в пространстве личности становится инструментом преодоления внешних обстоятельств, компенсации

недостаточности квазиприродных деиндивидуализированных структур. Идентификация власти в пространстве личности становится процедурой узнавания себя через других, потребностью в самотождественности, и в этом аспекте власть становится предметом психологизации пространства личности. Оценка власти ведется с позиции деконструктивизма, элиминирования традиционного отношения к власти как способности подчинения, определяющей логику событий и связь времен, и выявления предметной направленности рефлексии, когда в центре внимания оказывается связь поведенческих и мыслительных форм, характеризующих поведение людей. Базовым определением власти в пространстве личности, в контексте умеренного конструктивизма, становится совокупность силовых отношений, определяемых как способность к материальному порядку в пространстве личности и смысловых отношений, воспроизводимых на основе габитуса личности. Обретая, с одной стороны, позитивный смысл, она превращается в логику присоединения к господствующим отношениям, а с другой – вызывает сопротивление к принуждению и господству в контексте выстраивания самостоятельных социальных микростратегий через инкорпорирование на основе кооперирования с другими посредством принятия схемы допустимого, дозволенного анархизма в межличностном пространстве.

2. Описываемая парадоксальность результируется в конструировании пространства личности как совокупность отношений, открытых социальной номинацией и приобщением к дискурсивным практикам, как воспроизводству и переносу власти.

3. Специфика власти в пространстве личности в российском обществе выражается в самотождественности личности, в закреплении двойственности власти, когда власть в пространстве личности воспринимается как абсолютное подчинение, как включение в контролируемый порядок, или связана с гармонией личности и государства, с тем, что власть воспринимается в качестве

интегрирующей, противостоящей хаосу и смуте силы, исходящей от государства. Русская социально-философская мысль, исходя из приоритета нравственной личности, выявляет оппозиционные интенции по отношению к власти, рассматривая ее деструктивной силой, направленной на унификацию пространства личности. В силу этого обстоятельства личность призвана культивировать идеал служения обществу, и пространство личности конструируется и воспроизводится в контексте ее внутренней свободы, способности отказаться от абсолютизации государства и противостоять посягательству на свободу на основе понимания свободы как долга личности. Такая смысловая конструкция сосредотачивает или концентрирует внимание философской мысли на понимании власти в пространстве личности как сферы противостояния насилия и свободы, а власть воспринимается в той мере, в какой она является освобождающей насилие.

4. Власть во внутриличностном измерении пространства личности продуцируется габитусом личности, системой ее устойчивых диспозиций, предрасположенных порождать власть как способность к самосохранению и саморазвитию, воспроизводить схемы восприятия власти как социальной самооценки и схемы действия по определению границ пространства личности. В этом смысле власть привязывается к определенному социобиографическому контексту, подвергается хабитуализации, становясь стабильной основой для воспроизводства социального пространства личности. Таким образом, пространство личности как вписывающее объективные пространственные (среда обитания) и субъективные структуры, которые представляют схемы восприятия власти, становится сферой деобъективации власти, ее перевода во внутренний ресурс личности.

5. В межличностном измерении пространства личности власть включена в контекст социальных интеракций, актуализируется в виде борьбы за воспроизводство социальных позиций в отношениях с другими. Осуществляется перевод власти из внутриличностного измерения пространства личности в форме наси-

лия, авторитета, убеждения. Власть может интерпретироваться как навязывание воли другим, присвоение права выступать от имени других или являться предпосылкой для преодоления господства, для выстраивания пространства, в котором право на значимость и является правом на власть. Действуя по логике разделения на своих и чужих, в межличностном пространстве происходит объективация власти, в то время как настроенность на формирование социальной субъектности определяет ориентацию власти как действия по отношению к другим с целью непрерывного воспроизводства межличностного пространства.

6. Власть в отношениях личности и общества содержит символический контент, характеризует символический универсум. Личность в ориентации на власть означает свое отношение к обществу, в то время как общество означает себя во власти. Несмотря на понимание власти как анонимной силы, через повторяющиеся образцы взаимодействия она является существенным элементом пространства. Личность объективирует, проявляет себя через преодоление ситуации непосредственного наблюдения, тем, что знаки власти представляются оптимальной ситуацией для получения доступа к субъективности другого человека. Объективация отношения к другому становится доказательством действия, присутствия во власти, так как она разделяется с другими людьми в процессе выстраивания отношений подчинения. Группируясь в систему знаков, власть становится объективно доступной другим людям за пределами проявления субъективных интенций. Это выражается в том, что проявление власти фиксируется в другом как отвлечении от случайного, приходящего, индивидуального и обретает степень разумности. В отношении к другому власть выступает запросом для других. Главное в том, что общество и личность объединяются в символизме, соединяются через конституирование идеи власти, предполагая, что межличностные отношения, основываясь на инаковости, предполагают социальную типизацию, процедуру узнавания других. В этом смысле власть является отвлечением от случайного, индивиду-

ального, но имеет своей целью ее объективацию на социальном макроуровне.

7. Исходя из того, что практики индивидов представляют действие по преобразованию пространства личности, основанное на соответствии габитусов системе устойчивых и переносимых диспозиций, порождающих практики, для власти в пространстве личности характерно налаживание семантических кодов, определяемых категоризацией власти в схемах восприятия реальности. Языковое поле пространства личности, формируемое при помощи насыщения его нормами права, предстает как практика власти, которая закрепляется на уровне кодов общения. При этом используется язык как ввязывание личности, включение личности в дискурс власти, актуализацию через семантические коды, через означение отношение к власти как способу дисциплины, лояльности, покорности или бунтарства. В этом смысле власть дается непосредственно через формирование повседневного мышления индивида. Рутинизация повседневности осуществляется через оппозитность личности власти, что находит свое отражение в пространстве личности как недостоверность повседневности и истинность власти. Иными словами, власть закрепляет статус превосходства над повседневностью, вовлекает личность в конструирование пространства в контексте безальтернативности взаимодействия с властью.

8. К практикам власти в визуальном поле пространства личности относятся правила, обеспечивающие саму возможность визуального диалога, модели и идеальные образы, визуальную сферу мышления. Главное назначение визуальных практик власти заключается в формировании в визуальном поле пространства личности социокультурных феноменов, регулирующих жизнедеятельность личности. Первый из них, соединяющий естественный и иллюзорный аспекты бытия, феномен «бытия под взглядом», второй – «взгляд поощрения/неодобрения» как предоставление возможностей и лишение их; третий – «пирамида взглядов». В практиках власти, направленных на формирование визу-

ального поля пространства личности, используется то, что визуальное восприятие окружающего мира представляет собой многослойную неконтролируемо воспринимаемую систему, изначально предопределяющую восприятие. Предопределенность визуального восприятия не осознается личностью, поскольку оно происходит независимо от вербально и лингвистически организованного мышления.

9. Главное назначение телесных практик власти заключается в том, что субъекты, выступающие от имени власти, исходят из того, что личности приписывается самоограничение, обладающее дисциплинирующим эффектом, что эти самоограничения воспринимаются как содержащие возможность личности быть здоровой, здравомыслящей, избегать извращений и патологий. В традиционном обществе телесные практики привязываются к семье, церкви, школе, в то время как в обществе постмодерна телесность связывается с экспертными сообществами, со «специалистами» по здоровью личности, с борьбой против телесных излишеств как иррациональных чувств и желаний, деформирующих пространство личности. Телесное поле пространства личности выступает как производное от языкового и визуального полей пространства личности. Следствием этого является то, что большую роль при формировании телесного поля пространства личности играют не психосоматические особенности тела личности, а схема ее восприятия, продуцируемая надзирателями над личностью, путем внешне безвластного, но содержащего господство воздействия.

10. Власть в пространстве личности в имперский период автократизируется, то есть обретает конфигурацию автономности, включающей отношение к власти как силе принуждения. В этом контексте теряется патриархальность власти, ее смыслом становится формирование пространства подданничества. В силу этого обстоятельства пространство личности становится сферой государственного фиска и контроля. Вырабатываются ограничения власти как способа привития желательных социальных качеств

(терпение, лояльность, смирение). Пространство личности, таким образом, характеризуется стимулированием адаптивных практик, искусственным воспроизводством патриархальности, которая приходит в противоречие с межличностной сферой, где действует правило принудительной дисциплины и взаимного контроля. В имперском обществе, где правит наднациональная элита и солидарность определяется по крови (аристократический принцип) или служебному стажу (бюрократический принцип), характерными становятся регламентация личности на социальном макроуровне и допущение архаичности и замкнутости в контексте повседневных практик. Власть в пространстве личности выступает логикой долженствования, в то время как внутриличностное осмысливается в контексте связи времен, закрепления социальной профильности.

11. Власть в пространстве личности в советском обществе характеризуется реификацией общественно значимых смыслов. Личности придается статус социальной разумности, но ее действия характеризуются массовостью, не оставляют простора для многообразия форм и степеней субъектности. Главное, что пространство построено по соглашательскому принципу, по безупречному соблюдению правил. В межличностном пространстве действует безальтернативность символических, мыслительных и телесных практик, конструируемых на основе их признания большинством в обществе. Включение в систему предписанных действий дает возможность рефлексировать моменты спонтанности и принуждения, не позволяя становиться в оппозицию символическому универсуму. Власть в этом контексте становится механизмом самопринуждения, самоцензуры. В этом смысле отсутствует понимание власти как конкуренции личности и межличностные отношения становятся оппортунистическими, ориентируются на образцы избежания альтернативы и необходимости одобряемого действия. Вместе с тем пространство личности становится амортизатором социальных шоков и представлений на уровне рутины повседневности. Для советского человека харак-

терно потребительство как маркер независимости. Межличностная сфера характеризуется утратой друг друга и насаждения принципов доверия к власти как персонификации государственной личности.

12. Проявление власти в пространстве личности современного российского общества определяется преодолением синдрома единомыслия через формирование пространства личности как пространства неправовой свободы. Демократизация власти воспринимается как исчезновение дисциплинирующего воздействия и разведение власти, имеющей официальный дискурс, предназначенный для языка лояльности, и власти как способности переконструировать собственное социальное пространство. В этом контексте определяющими являются социальная анархия и социальная апатия. С социальной анархией ассоциируется способность личности выступать источником самолегитимации, действовать с опорой на собственные силы, поддерживая негласный консенсус с властью путем разграничения или установления допустимого вмешательства. Практически власть становится бесконтрольной, но обретает характер безвластия по отношению к пространству личности. Вместе с тем в апатии (безразличии) к власти просматриваются самосознание личностью недостаточности собственных властных ресурсов и ее переориентация на отказ от отношений добровольной зависимости в условиях установления порядка, устойчивых правил игры, определяемой логикой деформализации межличностной сферы. Таким образом, власть в пространстве личности современного российского общества содержит неоднозначную тенденцию расширения и защиты свободного от внешнего принуждения пространства и интегрированности смысловой целостности, определяющую легитимацию власти, исходящей от государства как воплощение символического порядка. Можно констатировать, что предельная легитимация власти в пространстве личности российского общества определяется ростом способности личности найти свое место в символическом порядке или на условиях логики присоединения к

большинству, или достижения легитимированной степени плюрализма личных пространств, выработки формулы взаимных обязательств власти и личности.

Теоретическая и научно-практическая значимость диссертационного исследования определяется актуальностью данной работы, закономерным результатом работы которой стала разработка социально-философской концепции власти в пространстве личности. Предложенная социально-философская концепция власти определяется ее теоретической значимостью на уровне концептуализации авторских понятий власти в пространстве личности как социально-философской категории. Определение власти как способности к объективации / десубъективации зависимости и активности обусловливают перспективы развития социально-философской рефлексии феномена власти в современном российском обществе. Диссертационное исследование в целом ориентирует на развитие процесса мягкой децентрализации власти, встраивание горизонтальных структур в конструкт ее вертикальной интегрированности, с целью выработки формулы взаимных обязательств личности и власти. В рамках сценарного мышления можно предположить, что власть в пространстве личности российского общества определяется тенденцией нейтрализации традиции «вольности» и деобъективации властных институтов.

Положения и выводы данного диссертационного исследования могут быть использованы для разработки теоретико-методологических основ анализа власти и ее практик в социально-гуманитарных науках. Выводы диссертации могут найти применение при дальнейшем исследовании власти и ее осмыслении в различных социально- и культурно-исторических контекстах, а также при составлении курсов по социальной философии, социологии, политологии, социологии управления.

Апробация работы. Результаты докторского исследования докладывались и обсуждались на научных конференциях, научных семинарах, круглых столах: VI Ждановских чтениях (Май-

коп, 2011 г.), Международной научно-практической конференции «Кавказ – наш общий дом» (Ростов-на-Дону, 2010 г.), IX Международной научной конференции молодых ученых «Наука. Образование. Молодежь» (Ростов-на-Дону, 2012 г.), XXI Адлеровских чтениях – Международной научно-просветительской конференции «Проблемы национальной безопасности России: Уроки истории и вызовы современности» (Сочи, 2012 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Социально-культурная консолидация в условиях модернизации современной России» (Майкоп, 2013 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Формирование российской идентичности как фактор национальной безопасности» (Майкоп, 2014 г.), Международной научной конференции «Научное обеспечение регионального развития» (Ростов-на-Дону, 2015 г.), Всероссийской научной конференции «Межэтнические отношения и национальная политика в современной России» (Ростов-на-Дону, 22–23 октября 2015 г.).

Выводы, предложения, методические рекомендации, сформулированные в диссертации, нашли отражение в опубликованных автором научных работах. Всего по теме диссертации опубликовано 27 научных работ общим объемом 28,1 п.л., в том числе 1 монография, 16 статей, изданных в ведущих рецензируемых журналах, определенных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ, 1 статья в журнале, включенном в международную реферативную базу данных Scopus.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования; включает введение, четыре главы, двенадцать параграфов, заключение и библиографический список.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** производится аргументированное обоснование актуальности темы диссертационного исследования; анализируется степень ее разработанности в отечественном и зарубежном

научных пространствах сквозь призму базовых составляющих проблемы; формулируются цель и задачи исследования. Также излагаются теоретические и методологические основания исследования, формулируется новизна и положения, выносимые на защиту, показывается значимость исследования на теоретическом и практическом уровнях.

В **главе 1** «**Теоретико-методологические концепты исследования власти в пространстве личности**» производится концептуальный анализ власти в пространстве личности как социально-философской проблемы, рассматриваются методологические аспекты исследования.

В **параграфе 1.1 «Власть в пространстве личности: классический дискурс»** дается анализ понятию власти в классической парадигме философии, отмечается дуализм холистической и индивидуалистической схем.

Подчеркивается, что новоевропейская философская традиция основывалась на триуме «личность человека, природа и общество». Это выражается в том, что с опровержением космоцентризма в философии на первый план выступает проблема субъекта общественной деятельности. Личность становится центром вселенной без опоры на субстанцию. Иными словами, по отношению к личности нельзя применить принцип конечной причины, так как личность – это постоянный поиск самоопределения, это экспансия (овладение внешним миром), распознание, расколдовывание природы. В этом смысле личность, несомненно, обладает властью. Пространство личности есть сфера приложения ее способностей и навыков к субъективации, овладению внешними обстоятельствами, своего рода манифест идти наперекор судьбе и одновременно демонстрировать здравый смысл, а иногда и смирение перед непреодолимыми обстоятельствами.

Автор диссертации исходит из того, что существует серьезность порожденной классической философией ситуации, которая рассматривается не как имманентно философская, а лишь гносеологическая, в той же степени как фактор, теоретическое вне-

дрение которого влияет на дальнейший прогресс человеческого рода. Этот прогресс отчетливо проявляется в стремлении объединить теоретический разум с практическим, рассматривать власть как практическую философию, подходить с точки зрения ее соотношения с познавательными, гносеологическими способностями человека. Притязания на разработку средств рационального господства над природой и обществом, что видится в разуме[25], определяются формированием общих принципов, понятий, идей, закона. Характерно, что философия открывает путь отрицания отдельных вещей к общим законам[26].

Если исходить из точки зрения Гоббса, на уровне социальной макрофизики господствует война всех против всех, и поэтому власть передается государству, надындивидуальному органу. Сталкиваясь с объективацией власти, выводом ее за пределы личности, можно говорить о том, что Гоббс определяет более высокий уровень по сравнению с пространством личности – гражданское общество, которое в противоположность грубым индивидуальным взаимодействиям становится возможным, когда люди действуют, подчиняясь разуму, а не страсти, подчиняют свои желания верховной власти, в интересах своего самосохранения[27]. Для пространства личности важно устойчивое положение. Неслучайно существует связь атомистической натурфилософии и индивидуалистической теории. В то же время немецкая классическая традиция холистична, предполагает, что пространство личности вписано в контекст власти. Объективируя власть как надындивидуальное состояние, провозглашается принцип частичности власти в пространстве личности как отражение ее разумности. Неразумность, естественным образом, придает власти разрушительную силу. Власть используется для утверждения легитимного насилия.

---

[25] *Бур М., Ирлиц Г.* Притязания разума. М., 1978. С. 22

[26] Там же. С. 22

[27] *Смит Р.* История гуманитарных наук. М., 2008. С. 87.

Представляется, что в главном и индивидуализм, и холизм разделяют основные предпосылки относительно одномерности пространства личности и объективированности власти. В конечном счете речь идет о том, что личность как социальный субъект теряет смысл вне коллективности, и ее пространство определяется тем, в какой степени власть как способность самосохранения и развития воспринимается в контексте межличностного отношения и отношения к символическому универсуму. Фундаментальный принцип, который объясняет различные и изменяющиеся явления, состоит в том, что пространство личности функционально, что необходимо понять, что такое личность. Важно и то, что власть выступает в этом смысле регулирующим механизмом, так как инертной силой является личность. Согласно классической парадигме, так как право основывается на свободе действовать или устраняться от действий, оно связано с законом, с тем, что человек должен делать и что не должен делать.

В **параграфе 1.2 «Власть в пространстве личности как категория социальной субъективности»** предпринимается концептуальный анализ сущности власти как социального феномена в контексте неклассической и постнеклассической философии.

Обосновывается, что неклассическая и постнеклассическая философская мысль легитимирует понятие иррациональности как бессознательного (З. Фрейд), как воли (А. Шопенгауэр), как свободы от морали (Ф. Ницше). Рассматривая власть как следствие страхов и тревог, как то, что является актом добровольного ограничения свободы, утверждается хрупкость, уязвимость пространства личности, для которой власть становится объективированной, чуждой ей силой. Речь идет о том, что власть навязывается личности, что устанавливается властная иерархия, которая наделяет индивидов той или иной степенью свободы как социально привилегированного статуса. Поэтому пространство личности становится пространством зависимости от объективированных структур.

Подчеркивается, что неклассическая и постнеклассическая философия нуждаются в новой форме социально-философской рефлексии, открывающей путь к пониманию конфликтности личности и общества, и отсюда переинтерпретации проблемы власти. Оказывается, что личность не руководствуется принципами социальной рациональности. Можно констатировать, что сама проблема «власть в пространстве личности» является результатом истории, что важно зафиксировать в изменяющейся ситуации, когда социальная разумность личности не означает подчиненности ее одним и тем же стандартам. Для того чтобы уяснить, каким образом пространство личности как индивидное человеческое бытие становится внутренним и фактически обеспечивает общество субъективацией, прямыми социальными значениями, следует предположить, что власть перестает быть ядерной силой, что власть должна присутствовать в процессности жизнедеятельности человека, воплощать ее человеческие силы и формировать ее потребности. Для социально-философской рефлексии важное значение приобретает осмысление предметной реализации человека, в которой пространство личности приобретает процессуальный, деятельностный характер, обнаруживается в освоении и модификации вещей и закрепляет форму ее самоутверждения в социальном мире[28].

Парадигма власти в пространстве личности, таким образом, основывается на унаследовании личностью институционального мира, который передается им как историческая и объективная реальность[29]. Для личности власть становится наследственным, приписанным феноменом, то есть то, что он должен принимать как данность. Это не отменяет факта ее конвенциональности и безальтернативности того, что реализация власти по отношению к другим, осознание личностью власти как собственного ресурса зависит от того, как это воспринимается другими: признается ли

[28] *Кемеров В.Е.* Введение в социальную философию. М., 2000. С. 118–119.

[29] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 100.

превосходство или авторитет личности путем внесения социальных таксаций.

В **параграфе 1.3 «Теоретические проблемы исследования российской специфики власти в пространстве личности»** рассматривается власть в контексте нравственной традиции русской философии как логика нравственного долга.

Автор диссертации основывается на том, что, во-первых, власть в российской традиции тождественна государственности, ибо властью обладает государев человек и другие основания власти (моральные, интеллектуальные, экономические) практически не дифференцируются; во-вторых, важный момент состоит в том, что пространство личности понимается как мещанское, лишенное практического смысла, что те, кого можно отнести к выдающимся, творческим личностям, не производят впечатления автономного пространства, поскольку включены в общественный дискурс, ориентированы на высокие идеалы и цели.

Это свидетельствует о том, что пространство личности не воспринимается как сфера законности частных притязаний, что действует принцип соборности, симфонии личности и общества, исконного русского коллективизма. Современная Россия представляет крайне индивидуализированное общество, и в таком контексте констатация неразвитости пространства личности в российском обществе выглядит злой иронией. Действительно, несмотря на социальные катаклизмы, большинство россиян не проявляет протестной социальной активности, не выходит на баррикады защищать свои права, а действия отдельных групп интересов не приводят к тому, что возрастает оппозиция, конфликтность власти и общества. При этом наиболее «выгодным» объяснением становится неразвитость в России гражданского общества как посредника между интересами личности и общества как совокупности частных ассоциаций, обладателей властного ресурса в презентации интересов личности.

Предполагается, что пространство личности рассматривается как форма самопомощи людей, отрицающих или брошенных

государством. Этот вывод формулируется, основываясь на том, что личность в российском обществе в отношениях с государством мыслится только как личность, обреченная на выживание или приспособление. Отличный от этого смысл придает личности отрицание любой власти. Анархия в умах людей является выражением той внутренней свободы, которая должна характеризовать человека, свободы, определяемой не смягчением внешних принуждений, а тем, что можно охарактеризовать как самоуважение, как то, что содержит внутреннюю сопротивляемость личности всякому насилию.

Делается вывод о том, что такая позиция неизбежно порождала конфликт личности и власти, и возвращаясь к этой мысли, можно говорить о том, что само понятие соборности выступало как признание коллективности, не совместимой с властью. Можно говорить об интеллигентском, литературоцентристском настрое русской философской мысли, ставившей вопросы нравственного и социального совершенствования: отношение к власти сопряжено только с требованием ее одухотворения, с тем, чтобы власть была властью нравственной, в то время как в западноевропейской традиции существует необходимость рассматривать власть как источник социальной разумности. Отсюда объективированная власть может выступать либо как источник угрозы автономности индивида, либо как структура, которая отнимает у него возможность быть социально ответственным, но по сравнению с русской философией нравственность выводится за пределы размышления, ее место занимает право.

В **главе 2 «Власть в пространстве личности: логика дифференциации»** на основе авторского определения «власть в пространстве личности» последовательно рассматриваются в социально-философском аспекте социокультурные измерения данного пространства.

В **параграфе 2.1 «Внутриличностное измерение власти в пространстве личности»** содержится рефлексия внутриличност-

ного измерения власти в пространстве личности в контексте ее телесного и самоидентификационного уровней.

Автор диссертации полагает, что следует исходить из понимания власти как инкорпорированной в пространство личности, присутствующей в ней не только на уровне выявления негативных коннотаций, но и позитивно созидающей силы. Классическая социально-философская мысль не смогла преодолеть барьер отчуждения между абстрагированием по поводу разумности власти и возможность ее ограничения через правовые механизмы, в то время как в русской философии очевидно перемещение проблематики с позиции исследования влияния власти как социальной силы на утверждение безвластия и выдвижение в качестве альтернативы бескорыстного социального служения.

Делается вывод о том, что внутриличностное измерение власти связано с определением того, что является личностью, каковы уровни самопостижения личности, для кого личность является другим. Рассматривая власть в пространстве личности, также следует говорить о том, что существующее разделение на власть имущих и власть для маленького человека, как писал неофрейдист В. Райх, необходимо для начала убить того, кого ты считаешь угнетателем, то есть быть одержимым своим освобождением[30]. Иными словами, трудно прийти к пониманию власти в пространстве личности, если руководствоваться социологическими категориями, а также открывать эту проблему рассуждением о реализации социальной справедливости.

Утверждается, что внутриличностное измерение пространства по существу является ядерным, конструирующим властное поле личности. Личность не есть просто статичное образование, но всегда результат развития в процессе взаимодействия с социумом. Но понимать это следует не через непосредственную соотносительность, а через объективацию социальных требований и правил, которые транслируются для личности в виде распоряжения, подчинения, ассоциируемых с властью. Для личности, и

[30] Психология и психоанализ власти. М., 1999. С. 6.

эта проблема своеобразно обыгрывается Т. Адорно в рассуждениях об авторитарной личности, существует синдром «садомазохизма». Т. Адорно утверждает, чтобы достичь интернализации социального управления, которое никогда не дает личности столько, сколько требует, отношение последней к авторитету и его психологической силе (супер-эго) приобретает иррациональный аспект: субъект достигает своей социальной приспособленности, только получая удовольствие от подчинения субординации[31].

Автор диссертации заключает, что власть как ресурс личности есть способность к тому, чтобы разграничить господство и власти. При этом он опирается на концепцию М. Фуко, для которого продуктивная власть совместима со свободным субъектом. Власть не может восприниматься как борьба личности, включает в себя свободу и существует в виде не только сопротивления власти, понимаемой как борьбы, но и в том, что пространство личности есть пробел власти. Так как власть нестабильна, меняется с габитусом индивида, необходимо различать власть и господство. Господство есть застывшая форма власти, в то время как во внутриличностном измерении власть есть состояние, актуализируемое в воспроизводстве пространства личности.

В **параграфе 2.2 «Власть в межличностном измерении пространства личности»** концептуализируется власть в пространстве личности, выделяются властные взаимосвязи, формирующиеся в межличностном измерении пространства личности в процессе жизнедеятельности личности.

Отмечается, что так как пространство личности включает совокупность отношений, характеризующих распределение ее социальных капиталов и ресурсов, и связано с возможностью личности утверждать свою автономность в пределах внутренней свободы, власть не есть господство личности над другими. Подчеркивая это, нужно исходить из того, что власть в межличностном пространстве есть состояние подчинения / зависимости, которое оп-

[31] Там же. С. 239.

ределяется ресурсами вступающих во взаимодействие личностей. Власть, если следовать генеалогии политики М. Фуко, ускользает от деталей на уровне массы[32]. С целью «уловить» власть в межличностном пространстве следует признать два ряда: тело – организм – дисциплина – институты и процессы, регулирующие взаимодействие личность – личность. При этом следует отказаться от биорегуляции, признать за личностями право на суверенность, на то, что личность обладает достаточной способностью, чтобы разделить произвол и правила. Это означает, что в межличностном пространстве власть перестает быть механизмом внутреннего принуждения, становясь конвенциональной, действующей по принципу взаимного согласия. Разумеется, в межличностном пространстве существует взаимная ориентация, взаимоузнавание индивидов.

Таким образом, власть в межличностном измерении пространства личности выражается, во-первых, в отношениях добровольной зависимости / независимости, предполагающих использование власти как инструмента для достижения общих целей, и актуализируется в виде притязаний на значимость позиций. В этом смысле отменяется действие логики самоосвобождения, которая противопоставляет радикальное единство радикальному действию, и власть трактуется не как способ достижения справедливости и равенства, а интерпретируется в смысле ее непосредственного влияния на налаживание кооперациях в отношениях «личность – личность».

В **параграфе 2.3 «Власть в пространстве личности в контексте символического универсума общества и личности»** концептуализируется власть как символический универсум отношений личности и общества.

Автор диссертации согласен с тем, что социальное измерение пространства личности привычно тяготеет к описанию отношений между личностью и материально воплощенными условиями. Сфера представлений личности о власти в обществе характеризуется воображением личности, состоянием ее социаль-

[32] *Фуко М.* Нужно защищать общество. М., 2005. С. 263.

ной комфортности, удовлетворенности или неудовлетворенности властью. Но в конечном счете власть предстает либо как бюрократизированная, подчиненная логике калькуляции, либо как своеволие, произвол, формируемый авторитарным обществом.

Утверждается оппозиция субъектности / объектности, свободы / необходимости. В этом смысле власть выступает притязанием обобществленной воли или обобществленного разума, а ее происхождение объясняется тем, что она связана с обществом как целостностью, обусловливающей или ограничивающей способы реализации деятельности социального субъекта. Отсюда следует, что власть по отношению к пространству личности является совокупностью правил, норм, притязаний, полагающих, что личность, если определяет бытие по своей свободе и обязана выполнять свое назначение (И. Г. Фихте), власть выступает гарантией этой деятельности. В конечном счете свобода понимается в логике долженствования, в принципе «ты должен – значит ты можешь».

Автор диссертации выражает позицию в том, что власть исходит от общества, что власть может выступать как объективированная сила, действующая от имени общества, производит эффект взаимоотталкивания, взаимного недоверия. На этом построен критицизм, трактовка власти, которая исходит от ее присвоения отдельной группой людей или обретает форму диктатуры. Для того чтобы понять пафос анархизма в контексте отношений личности и общества, значительной особенностью социальной жизни провозглашается то, что современное общество является обществом безграничной власти, что пространство личности примечательно тем, что действует абсолютизм властных полномочий. Это приводит к моделированию ситуации, в которой личность оппозиционна власти, ее пространство конструируется как пространство относительной или абсолютной автономности.

Таким образом, власть в пространстве личности исчезает как ресурс развития и становится инструментом самоподчинения. При этом для автора диссертации очевидно, что пространство

личности конструируется по определенным, заданным символическим лекалам. Дело не в том, что не усвоен опыт тоталитарного прошлого, проблема заключается в определении того, что власть идеи является возвышенной и привлекательной по сравнению с властью вещей. Но и в одном, и в другом случаях личность испытывает влияние объективированной власти, то есть способность личности как социального субъекта ориентирована на «порождение» власти в соответствии с системой жизненных диспозиций, привязанных к определенному пространству личности и воспроизводству власти на семантическом, визуальном и телесном уровнях пространства личности.

В **главе 3 «Практики власти в пространстве личности: социально-философский аспект»** рассматриваются практики власти в языковом, визуальном, телесном полях личности.

В **параграфе 3.1 «Практики власти в языковом поле пространства личности»** предпринимается социально-философский анализ практик власти в языковом поле пространства личности.

Автор диссертации исходит из того, что практики власти в языковом пространстве личности основываются на системе *означающих* и *означаемых*: означаемое, репрезентируя, репрессирует представленное в нём означаемое. То есть трансцендентальное означаемое фактически прекращает свое существование в реальности, означающее же, напротив, продолжает свое существование, но в другом измерении. Таким образом, формируется практически тотальное господство означающих как неких «атомов формирования реальности», а репрезентирующий знак оказывается в роли центра мифологического мира смысловой и логической упорядоченности. То есть личность, чтобы обозначить себя как существующую, вынуждена вписаться в заданную вербальную конструкцию при помощи высказывания, встав на позицию означаемого, и тем самым принести свое собственное бытие в жертву социуму:

«язык – фашист, понуждающий говорить...»[33] на определённые темы и по установленным языковым полем правилам.

Делается вывод о том, что языковое поле пространства личности, формируемое при помощи насыщения его нормами и правилами, предстает как один из инструментов власти, при помощи которой создается основа любой исторической эпохи. Данный тезис находит подтверждение в фукольдианской концепции, где язык рассматривается как «воплощение социальной реальности, область приложения социальных сил»[34] и транслятор социальных механизмов власти, поскольку бытие языка «сходно с бытиём власти... исходя из глубины социального организма, пронизывает всё и скорее закладывает основы общества, чем упорядочивает его»[41]. При этом власть, используя практики в языковое поле в пространстве личности, детерминирует его в силу таких свойств существования языка, как производство знаний о мире (формирование этого знания), тавтология (пересказывание известного), симулякры (знаки, отсылающие к самим себе).

То есть, основываясь на фукольдианской традиции в современной социальной философии, можно сделать вывод, что практики власти через языковое поле пространства личности приобретают контроль над сознанием личности. Этот контроль основывается на том, что языковой характер знания обусловливает восприятие сознания личности как исключительно языковое.

В **параграфе 3.2 «Практики власти в визуальном поле пространства личности»** дается социально-философский анализ и рассматриваются методологические аспекты исследования, создания и применения практик власти в визуальном поле пространства личности.

Автор диссертации основывается на том, что понятие «визуальное» наиболее полно в рамках социально-философского знания рассмотрено М. Хайдеггером, которой

---

[33] *Барт Р.* Актовая лекция // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 548.

[34] *Михель Д.* Мишель Фуко в стратегиях субъективации: от «Истории безумия». Саратов, 1996. С. 42–43.

полагал, что зримое как феномен в принципе сформировало основание европейской науки, которая, в свою очередь, предопределила новоевропейское мировоззрение. Хайдеггер объяснял данный тезис следующим образом: сущность науки проявляется в научном исследовании; исследование начинается с проекта, наброска[35] предметной сферы. При этом опредмечивание сущего происходит через представление, совокупность же представлений формирует картину мира, без которой нет и не может быть мировоззрения как целостной системы. То есть мир перед современной личностью предстает как картина, а позиция личности по отношению к данной картине определяется как мировоззрение «...принципиальным отношением к сущему»[36].

По мнению автора диссертации, визуальное восприятие мира предстает как амбивалентный процесс: заданный и неконтролируемый одновременно. Заданность визуального восприятия мира осуществляется через выработанные в культуре визуальные схемы и вербальные представления, разъясняющие личности смысл увиденного, и тем самым одновременно формируя определенный ракурс восприятия увиденного и выступая инструментом опредмечивания мира. Неконтролируемость визуального восприятия мира заключается в том, что оно происходит независимо от вербально и лингвистически организованного мышления и осознания личности.

Делается вывод о том, что основой применения практик власти в визуальном поле пространства личности выступают правила, обеспечивающие саму возможность визуального диалога, задаваемые с позиции семиологической концепции видения кодами визуального восприятия, поскольку системы кодов визуального восприятия не только представляют собой властвующие конструкции, предопределяющие специфику диалога «власть – личность», но и лежат в основе практик власти. При этом семиологическая

---

[35] *Хайдеггер М.* Время картины мира // Бытие и время. М., 1997. С. 46.
[36] *Хайдеггер М.* Время картины мира // Бытие и время. М., 1997. С. 51.

теория видения выступает практическим объяснением процессов выделения и эволюционирования главных признаков объекта, фиксируемых в процессе видения и предопределяющих вычленение определенных форм и характеристик объектов в концепции визуального мышления Р. Арнхейма. Кроме того, семиотика выявляет и обосновывает социокультурную зависимость ассоциативного зрительного ряда.

Делается вывод о том, в современном обществе применение практик власти в визуальном поле пространства личности применяется преимущественно в контексте хабитулизации власти как объективного ресурса личности в рамках ее образов (схем восприятия) по логике совпадения желаний, интереса и власти.

В **параграфе 3.3 «Практики власти в телесном поле пространства личности»** дается социально-философский анализ и рассматриваются методологические аспекты исследования, создания и применения практик власти в телесном поле пространства личности.

Отмечается, «телесность» как понятие не является производной от материального тела[37], но принадлежит всем конструкциям, имеющим ментальные границы в социокультурном пространстве. Исходя из этого, телесное поле как свойство личности оказывается одной из наиболее незащищенных мишеней в том плане, что легко конструируется властью в соответствии с особенностями эпохи, формируясь посредством создания представлений о телесном поле через создание образа тела[38]. При этом формируемый образ тела всегда связан с официальной идеологической системой[39].

---

[37] Башук Е.Г. Онтологические основы триединства человека и три уровня его существования // Вестн. УдмГУ. 2013. № 3–2. URL: http://cyberleninka.ru/ article/n/ontologicheskie-osnovy-triedinstva-cheloveka-i-tri-urovnya-ego-suschestvovaniya.

[38] Шемякина Е.В. Философский анализ понятия «дисциплина тела» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. № 169. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-analiz-ponyatiya-distsiplina-tela.

[39] Шабайкин А.Ю. Социально-философский анализ организационно-управленческой деятельности и ее оптимизации в современных условиях : дис ... канд. филос. наук. М., 2014. 179 с.

Подчеркивается, что в Новое время развитие науки и промышленности актуализирует новый тип телесности – тело дисциплинарное, осмысленное с позиции пользы. То есть тело превратилось в орудие производства, получив новое свойство – экономическую полезность. Тем самым произошло новое «расчленение» тела: отчуждение от тела силы. То есть власть, противопоставив болезни и хаосу дисциплину и эффективность производства как залог благосостояния, задала новый тип сознания – сознание рационально-практическое, основной ценностью которого, в полном соответствии с этикой картезианства, стал критерий «полезности-для-меня».

В XX в. самость и тело по-прежнему разделены, но самость оказывается вторичной по отношению к телу, поскольку в обществе доминирующие позиции занимает феномен «биовласти», в основе которого находится самоценность здоровья как диспозитива власти. При этом если в XIX в. здоровье тела трактовалось как экономическая целесообразность, то в XX в. здоровье перешло в статус самоценности в силу того, что только обладающий здоровьем может в полной мере получать удовольствие. То есть удовольствие в условиях масскультуры превращается в средство порабощения самости телесностью, где тело есть «тело-удовольствие», посредством которого формируется новый тип сознание – сознание потребителя.

В XXI в. информатизация общества способствует созданию новой концепции телесности, где тело есть биологический аналог компьютера – «тело программируемое» – при помощи заданной системы действия на молекулярно-генном уровне. В результате «сфера игры переносится на клавиатуру собственного тела, а генетический код аналогичен пульту управления… и существует… микропроцессорная обработка желания, производство, контроль и учёт наслаждения». В результате формируется «тело транссексуальное», что приводит к стиранию в сознании гендерных стереотипов. Таким образом, тело, имея смыслом только внешний атрибут, ни к чему не отсылающий знак, имеющий смысл только в

контексте постоянно меняющихся правил, становится симулякром, формирующим одномерное массмедийное сознание[40].

Делается вывод о том, что практиками власть управляет и телом, и духом личности: ментальное перетекает в телесное, телесное определяется сознанием в качестве природного, неотъемлемого свойства личности. Однако насыщение телесного поля пространства личности ментальными конструкциями происходит при помощи не только личностного представления о своей субъективной телесности, но и совокупных тел – телесных конструкций, не являющихся собственно индивидуальным телом в физическом смысле, но функционирующих в тесной взаимосвязи с ним.

Формируются в телесном поле пространства личности дискурсы боли и удовольствия, взаимодействие которых является мощным способом формирования исторического типа телесности. Власть, стремясь контролировать тело, неизбежно вынуждено задействовать, то, что занимает в структуре личности по отношению к телу, а именно Самость. Именно в нее вкладываются все правила, установки, нормы в виде свода социально приемлемых желаний. И в нее же внедряются представления о тех последствиях в виде системы боли / удовольствия или в иной трактовке наказания / поощрения. В зависимости от исторической формации властвование осуществляется посредством акцентирования или на боли / страхе, боли / наказании, или на удовольствии / желании, удовольствии / поощрении. То есть созданная практикой власти в телесном поле пространства личности вокруг тела самость становится надсмотрщиком тела.

В **главе 4 «Специфика власти в пространстве личности в российском обществе»** определяется специфика власти в пространстве личности в российском обществе в зависимости от исторического периода. Выявление закономерностей обновлений проявления власти в социальном, межличностном и внутрилич-

---

[40] *Хмылёв В.Л., Кондрасюк В.А.* Коммуникативные стандарты интенсивности когнитивного резонанса // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 390. С. 66–72.

ностном измерениях пространства личности в диахроническом аспекте позволит находить более адекватные практики, что в конечном итоге повысит эффективность управления обществом.

В **параграфе 4.1 «Специфика власти в пространстве личности российского общества имперского периода»** рассматриваются особенности социального, межличностного, внутриличностного измерений пространства личности в контексте социокультурной ситуации в российском обществе имперского периода.

Анализ специфики власти в пространстве личности России имперского периода выводит на мысль об авторитаризме, отсталости, крепостничестве, которые являются, по мнению русского историка Н.М. Карамзина, следствием татарского господства. Поэтому в социальном измерении пространство личности в российском обществе в эпоху имперского периода воспринимается в контексте противопоставления власти в пространстве личности Европы в качестве исторического негатива.

Однако можно констатировать, что власть, воспринимаемая в качестве абсолюта, является универсальной имперской парадигмой, поэтому пространство личности включается в универсальное пространство, которое может характеризоваться культурно-цивилизационным. Объективированная власть находит этическое обоснование в том, что империя является постоянным и необходимым порядком.

В конструировании пространства личности, таким образом, власть присутствует как символический универсум, как то, что задано универсальностью внешних требований и правил.

В исследовании также обосновывается, что автономность пространства личности проявляется в ее выводе в межличностное измерение, в то, что личность может ориентироваться на частный порядок по сословному или конфессиональному принципу. Ее «несвобода» состоит в том, что ей ее пространство предписано, и в межличностном измерении власть проявляется как обычная традиция, сословный кодекс поведения. Это создает видимость

достижения желаемого порядка для личности, но личность порабощена символически, связана с дисциплинарным, пользуясь выражением М. Фуко, обществом.

Важным выводом по итогам исследования в данной части диссертации стало положение о том, что во внутриличностном измерении в российском обществе имперского периода власть воспринимается в контексте обретения территориальности, материализуется либо в феномене закрепощения, либо в уходе на вольные земли. Это объясняется тем, что обыденная жизнь, повседневная практика, требует принятия власти как гаранта порядка. Для личности власть в таком контексте обретает привлекательность как следование обычаю, благочестию.

В **параграфе 4.2 «Специфика власти в пространстве личности российского общества советского периода»** анализируются особенности социального, межличностного, внутриличностного измерений пространства личности в контексте социокультурной ситуации в российском обществе советского периода.

Отмечается, что социальное измерение пространства личности в российском обществе советского периода характеризуется:

– формированием таких социальных ожиданий в системе «общество – личность» как послушание (вождю, партии, то есть Учителю);

– внедрением ценностной системы, базовыми элементами которой выступают ценности исполнительности, верности идеям партии;

– осознанием чувства долга перед партией как высшей ценностью (то есть превалирование социального над личностным);

– активной позицией по исполнению воли партии, что позволяет централизованной власти бесконтрольно осуществлять свое правление;

– формированием образа приветствуемого властью / обществом конформного поведения – активная исполнительность – создаваемого по образцу жизни партийных лидеров.

Можно констатировать, что власть в пространстве личности определяется ее включением в контролируемый порядок, в отношения социального клиентелизма. Вместе с тем утверждается образ символической власти как чувства сопричастности и одобрения деятельности государственных партийных элит от имени народа как суверена власти. Эту позицию нельзя назвать безоговорочным соглашательством, так как, признавая эффект внедрения образцов послушания, можно говорить о том, что власть воспринимается как своя, так как использует идею социальной справедливости.

Анализ межличностной специфики измерения пространства личности показал, что межличностное измерение пространства личности в российском обществе советского периода можно рассматривать в контексте присоединения к большинству и оппозитности иных как чужих. Власть в межличностном измерении пространства личности оценивается включением в различные формы коллективности. Профессиональные коллективы определяются как структура власти, поскольку со статусом личности в коллективе связываются возможности конструирования ее частного пространства. Поэтому то, что на внешний взгляд воспринимается как стратегии выживания и адаптации личности, можно охарактеризовать стремлением к выработке аморфного дискурса и люфтом в нормативах поведения.

Специфика внутриличностного измерения пространства личности власти, как показал проведенный анализ, определяется мерой свободы от предписанной аскезы и социальным номинированием личности, ее идентичностью с господствующими телесными и дискурсивными практиками.

Параграф 4.3 «Специфика власти в пространстве личности современного российского общества» посвящен исследованию особенностей социального, межличностного, внутриличностного измерений пространства личности в контексте социокультурной ситуации современного российского общества.

Отмечается, что главной характеристикой постсоветского пространства выступают радикальные преобразования, направ-

ленные на реорганизацию предшествующей (социалистической) системы. При этом они, имея тотальный характер, задействуют все уровни: политический, социальный, экономический, культурный. Можно сказать, что преобразования одного уровня вызывают изменения в связанных с ним измерениях пространства личности.

Кроме того, изменения в системе государственного управления в сторону децентрализации провоцируют возникновение процесса формирования многопартийности, следствием чего становится создание в обществе ситуации идеологического плюрализма. Данные изменения провоцируют трансформацию ценностной системы, сущность которой сводится к подмене исконных ценностных понятий западническими, инородными по своему содержанию. То есть фактически через размывание ценностной системы происходит подрыв российской ментальности.

В ходе исследования автором обосновывается ряд позиций. Во-первых, социальное измерение пространства личности в современном российском обществе характеризуется изменениями в отношениях власти и личности, связанных с позициями социального анархизма и социальной апатией. Социальный анархизм заключается в том, что личность воспринимает власть как исходящую от государства в рамках ухода от социального клиентелизма и включения механизмов самопомощи в условиях «брошенности» государством. Поэтому лояльность к государству как воплощению власти ситуативна. Интерес личности к власти не артикулирован. И в этом контексте укрепление власти как демократизация неэффективно, так как не находит резонанса личности, не обладающей коллективным символом веры во власть.

Во-вторых, обосновывается, что власть в межличностном измерении пространства личности характеризуется проявлением нелегитимного насилия, утверждением личностью приоритета личных интересов на основе либо агрессивности, либо доступа к ресурсам принуждения в силу должностного статуса. В нынешних условиях возникает феномен сетевой власти как способности личности принимать решения, ориентированные на самоорганизацию, на формирование конкурирующих идентичностей и интересов.

В-третьих, внутриличностное измерение пространства личности в современном российском обществе определяется вынужденной индивидуализированностью личности, принятием личного пространства как пространства неправовой свободы. Внешне такая конфигурация может быть названа анархической, и власть воспроизводится в качестве способности личности действовать по логике собственной воли.

Вместе с тем проявляется тенденция эрозии анархизма как модели конструирования пространства личности, что подтверждается ориентацией на индивидуальную самореализацию, инициативность, опору на собственные возможности в контексте принятия формулы взаимных обязательств личности и власти.

В **заключении** подводятся итоги проведенного научного исследования власти в пространстве личности, излагаются основные выводы, подчеркивается теоретическая и практическая значимость работы. Намечаются возможные перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии

1. *Эмирбекова, Э.Э.* Власть в пространстве личности: социально-философская концептуализация, логика дифференциации и российская специфика / Э.Э. Эмирбекова. – Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2016. – 12,0 п.л.

В изданиях Перечня ВАК Минобрнауки России

2. *Эмирбекова, Э.Э.* «Пространство личности» как социально-философская категория / Э.Э. Эмирбекова // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 7. – 0,5 п.л.

3. *Эмирбекова, Э.Э.* Специфика власти в пространстве личности: советский период / Э.Э. Эмирбекова, Е.С. Сагалаева // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 7. – 0,6 п.л./0,4 п.л.

4. *Эмирбекова, Э.Э.* «Пространство личности» и «власть в пространстве личности» как социально-философские категории / Э.Э. Эмирбекова // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 9. – 0,5 п.л.

5. *Эмирбекова, Э.Э.* Социальное измерение пространства личности в структуре социума / Э.Э. Эмирбекова // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 11. – 0,5 п.л.

6. *Эмирбекова, Э.Э.* Институциональная динамика политической власти в России / Э.Э. Эмирбекова, К.М. Ульянченко // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 11. – 0,6 п.л./0,4 п.л.

7. *Эмирбекова, Э.Э.* Внутриличностное измерение как социокультурная система: социально-философский анализ / Э.Э. Эмирбекова // Вестник Адыгейского государственного университета. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2015. – № 2. – 0,5 п.л.

8. *Эмирбекова, Э.Э.* Практики власти: официальная истина как метод конструирования общероссийской идентичности / Э.Э. Эмирбекова, С.И. Имгрунт // Поиск. – 2015. – № 4. – 0,6 п.л./0,4 п.л.

9. *Эмирбекова, Э.Э.* Практики власти в пространстве личности: социально-философский аспект / Э.Э. Эмирбекова // Вестник АГУ. – 2015. – № 3. – 0,5 п.л.

10. *Эмирбекова, Э.Э.* Специфика власти в пространстве личности: постсоветский период / Э.Э. Эмирбекова // Научная мысль Кавказа. – 2015. – № 2. – 0,6 п.л.

11. *Эмирбекова, Э.Э.* Практики власти в визуальном поле пространства личности / Э.Э. Эмирбекова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3. – 0,6 п.л.

12. *Эмирбекова, Э.Э.* Практики власти в языковом поле пространства личности / Э.Э. Эмирбекова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 6. – 0,5 п.л.

13. *Эмирбекова, Э.Э.* Межличностное взаимодействие как способ измерения пространства личности: социально-философский анализ / Э.Э. Эмирбекова // Научная мысль Кавказа. – 2015. – № 4. – 0,5 п.л.

14. *Эмирбекова, Э.Э.* Социокультурные измерения пространства личности / Э.Э. Эмирбекова // Поиск. – 2016. – № 2. – 0,6 п.л.

15. *Эмирбекова, Э.Э.* Власть в пространстве личности дореволюционной России / Э.Э. Эмирбекова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 11, т. 1. – 0,5 п.л.

16. *Эмирбекова, Э.Э.* Пространство личности: социально-философские экспликации / Э.Э. Эмирбекова // Гуманитарий Юга России. – 2016. – № 2. – 0,5 п.л.

17. *Эмирбекова, Э.Э.* Субъективация власти в пространстве личности / Э.Э. Эмирбекова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2016. №1. – 0,5 п.л.

Статьи, индексируемые в базе Scopus:

18. *Emirbekova, E.E.* Social and Philosophical Analysis of Power as a Social Phenomenon / E. E. Emirbekova, A. P. Bandurin, A.Y. Goloborod'ko, I. A. Guskov, Z. A. Zhapuev // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6, no 4. – S. 4. 0,7 п.л./0,4 п.л.

Другие публикации:

19. *Эмирбекова, Э.Э.* Власть в пространстве личности: специфика классического дискурса / Э.Э. Эмирбекова. – Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2013. – 1,1 п.л.

20. *Эмирбекова, Э.Э.* Власть в пространстве личности как категория социальной субъективности / Э.Э. Эмирбекова. – Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2013. – 1,0 п.л.

21. *Эмирбекова, Э.Э.* Методологические проблемы социально-философского исследования российской специфики власти в пространстве личности / Э.Э. Эмирбекова. – Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2014. – 1,2 п.л.

22. *Эмирбекова, Э.Э.* Власть в пространстве личности: внутриличностное измерение / Э.Э. Эмирбекова. – Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2014. – 1,0 п.л.

23. *Эмирбекова, Э.Э.* Власть в пространстве личности: межличностное измерение / Э.Э. Эмирбекова. – Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2014. – 1,1 п.л.

24. *Эмирбекова, Э.Э.* Практики власти в телесном поле пространства личности / Э.Э. Эмирбекова // Контекст и рефлексия. – 2015. – № 4–5. – 0,5 п.л.

25. *Эмирбекова, Э.Э.* Власть: научное управление регионом / Э.Э. Эмирбекова // Научное обеспечение регионального развития : материалы междунар. науч. конф. – Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2015. – 0,4 п.л.

26. *Эмирбекова, Э.Э.* Социально-философский анализ власти в пространстве личности в контексте символического универсума общества и личности / Э.Э. Эмирбекова. – Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2015. – 1,0 п.л.

27. *Эмирбекова, Э.Э.* Этнокультурная специфика власти в пространстве личности в российском обществе / Э.Э. Эмирбекова // Межэтнические отношения и национальная политика в современной России : материалы всерос. науч. конф. – Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2015. – 0,4 п.л.